

приморскихъ пунктамъ потянулись нагруженные всякимъ хламомъ лошади, ослы, быки, и за ними, понурившие головы жители. Распродажа имущества на берегу напоминает картины, видныя нами при выселеніи абазеховъ, джигетовъ и пр.; но нѣкоторыя сцены были и своеобразны. Такъ напр. нѣрѣдко случается, что одинъ братъ идетъ выселяться, а другой остается; старикъ-отецъ, убѣжденный, что путешествіе въ Мекку избавитъ его отъ всѣхъ прошлыхъ грѣховъ, забираетъ съ собою цѣнныя вещи и уходитъ, а дѣтей убѣждаетъ остаться. Многие крестьяне желаютъ уйти; а помѣщики остаются... Безъ сомнѣнія, хотя абхазцы и не очень чувствительны, но разединеніе и разлука навсегда столькихъ семействъ не могла не вызвать многихъ патетическихъ сценъ и драмъ, чего не было при выселеніи другихъ горцевъ.

Мнѣ рассказывали даже и объ кровавой трагедіи, случившейся въ шести верстахъ отъ Сухумъ-Кале, въ приморскомъ мѣстечкѣ и пунктѣ для выселенія—Келасури. Выселялся старикъ отецъ съ семействомъ, въ которомъ была взрослая дочь. Эта дочь была просватана за молодого абхаза, не желавшаго увѣжать и оставшагося на родинѣ. Старикъ не отдастъ дочери и говоритъ—пойдемъ съ нами, и въ Турціи возьмешь ее. Молодой не соглашается, и споръ дошелъ до того, что женихъ вынулъ пистолетъ и убилъ наповалъ своего предполагаемаго тестя. Но онъ не успѣлъ увести дочь—родственникъ старика закололъ его кинжаломъ. Если въ этой трагедіи допустить страстную любовь, какія нибудь клятвы, свиданія и проч., то выйдетъ самый страстный и чувствительный романъ; но если предположить, что плутъ отецъ, взявши калымъ за проданную дочь, желалъ ее увести, чтобы въ Турціи продать въ гаремъ еще разъ и подороже, то выйдетъ кака-то дикая, скверная, хотя и весьма подходящая къ абхазскимъ нравамъ, исторія. Мы не знаемъ подробностей ея и передаемъ только рассказанный намъ очевидцемъ фактъ. Волнений, требующихъ вѣшателства военной силы, въ Абхазіи нѣтъ.

Корр.

ОБЗОРЪ ПОЛИТИКИ.

ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Во все продолженіе рѣчи Руэра, «преданное большинство» поддерживало оратора и рукоплескало. На трибуну взошелъ Жюль-Фавръ съ отвѣтомъ государственному министру. Жюль-Фавръ находить, что, если судить по рѣчи Руэра, то Франція въ настоящее время находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи; она убѣждена въ своемъ величіи и безопасности. «Но если такъ, то я предлагаю г. министру слѣдующій вопросъ. Зачѣмъ же вы смущаете страну предложеніемъ закона, которому лѣтописи нашей исторіи не представляютъ ни одного примѣра? Или предыдущая рѣчь произнесена только для парада, по необходимости, безъ всякаго отношенія къ извѣстнымъ политическимъ событіямъ, или же слѣдуетъ отказаться отъ проекта преобразования арміи, внушившаго странъ столь сильное и справедливое безпокойство. Министръ не рѣшился отвѣчать на эту дилемму. Если-бъ онъ взялся за нее, то рушилось бы и все блестящее зданіе его аргументаціи.» Поэтому ораторъ не видитъ возможности согласиться «съ похвалами, которыя государственный министръ расточаетъ своей собственной политикѣ.» Разборъ фактовъ, документовъ и дипломатическихъ актовъ, на которыя ссылается Руэръ, приводитъ Жюль-Фавра къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Руэръ утверждаетъ, что Германскій Союзъ 1815 года съ 800 тысячною арміею былъ постоянной угрозой для Франціи; но отчего же, при реставраціи и при июльскомъ правительствѣ, численность нашей арміи не доходила до тѣхъ размѣровъ, которыхъ вы требуете теперь? Ужели вы одинъ одарены прозорливостью и благоразуміемъ? Если эти правительства, ревниво заботившіяся о величіи Франціи, стѣмъли внушать къ ней уваженіе въ десять разъ меньшими военными силами, чѣмъ тѣ, которыми вы теперь располагаете, то я имѣю право сказать, что ваша политика не имѣетъ иной цѣли, какъ только прикритыя ошибки, направляющія сомнѣнія о настоящемъ и внушающія опасенія за будущее.» Кровавая тра-

гедія, разыгравшаяся подъ стѣнами Вѣны, не можетъ быть благоприятна для интересовъ Франціи. Но правительство въ блестящей и изысканной рѣчи Руэра пыталось представить это событіе выгоднымъ для Франціи. «И если день 4-го іюля былъ днемъ траура для краснорѣчиваго оратора правительства,» то очень странно теперь проповѣдывать удовольствіе и увѣренность въ будущемъ. «Философія обитаетъ не только въ жилищѣ мудрецовъ, но ее подчасъ можно встрѣтить и въ министерскихъ переднихъ,» добавилъ Жюль-Фавръ.

Затѣмъ ораторъ перешелъ къ тронной рѣчи, гдѣ сказано, что Франція не должна смущаться происшествіями послѣдняго времени, потому что онѣ были предусмотрѣны великимъ узникомъ о—ва Св. Елены. Здѣсь оратора прервалъ президентъ палаты г. Валевскій, который доказывалъ, что предметъ обсужденія не тронная рѣчь императора, а дѣла Германіи и Италіи, и что есть высшія приличія, которыхъ ораторы не вправѣ нарушать. Жюль-Фавръ настаивалъ, что тронная рѣчь есть важный документъ для настоящихъ преній, и что сама строгія приличія не могутъ стать выше конституціи, устанавливающей отвѣтственность императора предъ страной за свою политику. Онъ утверждалъ, что конституція была бы пустой фразой, если бы ораторы не имѣли права обсуждать мнѣнія и политику императора. На основаніи тронной рѣчи, въ которой говорилось о Пруссіи, желющей избѣгать всего, что можетъ оскорбить самолюбіе Франціи, и о необходимости существованія Австріи, ораторъ заключаетъ, что императоръ смотрѣлъ спокойно на совершившіяся событія. Но эти мирныя заявленія не согласуются съ другими документами. Такъ, въ прежнихъ тронныхъ рѣчахъ возвышалось о необходимости сохраненія Датской монархіи, и ее, дѣйствительно, могла своимъ заступничествомъ сохранить Франція. Но Данія, полагавшаяся на чувство чести Франціи, была принесена въ жертву чувству личнаго тщеславія. Ораторъ находить такое противорѣчіе и въ другихъ оффиціальныхъ документахъ.

Съ правительства нельзя снять отвѣтственности за его дѣйствія. Напрасно государственный министръ утверждаетъ, что въ 1859 году война за Италію съ Австріей была прекращена по необходимости. Ни изъ чего не видно, чтобы Пруссія тогда могла вступить за Австрію. «Неужели бы она забыла то, о чемъ въ прошедшей разъ говорилъ г. министръ, т. е. свою старинную вражду противъ всякаго двора, свое всегдашнее желаніе унижить габсбургскій домъ? Ни одинъ благоразумный человекъ не можетъ допустить подобнаго предположенія, и никогда не было, доказано, что предъ нами стояли нѣмецкія войска.» Далѣе ораторъ опровергаетъ мысль министра о томъ, что Франція не могла помѣшать союзу Италіи и Пруссіи. «Наша роль была бы самая жалкая,» говоритъ онъ, «если бы мы не сохранили за собой права давать Италіи совѣты и контролировать ея рѣшенія.» Онъ утверждаетъ, что союзъ былъ заключенъ на глазахъ Франціи, потому что французское правительство не усвоило себя политики рѣшительной и откровенной; оно всему обазывало поопреніе и потомъ отъ всего отревлось; что французская политика, предусматривавшая побѣду Австріи, униженіе Пруссіи, расширеніе французскихъ границъ до Рейна, грѣшила недостаткомъ безкорыстія; что фонъ-Бисмаркъ—великій прусскій патриотъ и въ то же время человекъ, говорившій во Франціи съ гордостію объ униженіи прусскаго парламента, одинъ воспользовался плодами довѣрія Франціи; что сношенія главы государства съ нимъ, какъ презирающимъ право, были опасны для націи, управляемой на основаніи либеральныхъ принциповъ.

Въ доказательство ошибочной, корыстной политики правительства, ораторъ напоминаетъ торжественное засѣданіе палаты 18-го іюля прошлаго года, когда палата отказалась отъ публичнаго обсужденія иностранныхъ дѣлъ и выразила полное довѣріе императору и его программѣ. Но эта программа не была достойна одобренія, потому что въ ней было заявлено, что Франція не откажется отъ территориальныхъ пріобрѣтеній, въ случаѣ, если будетъ нарушено европейское равновѣсіе

и если пограничныя населенія свободно изъявятъ желаніе присоединиться къ Франціи. Еще Жюль-Фавръ напоминаетъ заявленіе краснорѣчиваго оратора правительства въ пользу сохраненія міра 3-го мая прошлаго года и оксеррскую рѣчь, произнесенную въ совершенно противоположномъ смыслѣ главою государства три дня спустя. Эта рѣчь, по мнѣнію оратора, была оскорбительна для великаго политическаго собранія. Кроме того, въ ней заключается вызовъ Германіи, чтобы она уступила Франціи часть своей территоріи. Съ этого мгновенія Пруссіи уже не возможно было удержать втрепенувшуюся націю. И такъ, въ политикѣ Франціи не было ничего опредѣленнаго. Надежды на конгрессъ были, очевидно, не осуществимы. Австрія уступила бы Венецію, если бы Франція погрозила ей мечомъ, или, если бы французское правительство рѣшилось поддержать ее противъ Пруссіи. «Я понимаю, продолжалъ ораторъ, грустное чувство государственнаго министра при извѣстіи о битвѣ при Садовѣ, ибо оно было осужденіемъ французской политики. Говорятъ, что мы остановили прусскую армію у воротъ Вѣны. Правда, но мы спасли столицу цѣной отказа отъ нашей программы. Австрія была вытѣснена изъ германскаго союза. Въ этомъ ли состоитъ наша политика, достойная великой страны? Я понимаю, что можно быть равнодушнымъ и держаться въ отдаленіи; но, предложивъ программу, смотреть, какъ рвутъ ее въ клочки остриемъ меча и только кланяться—это вовсе не пофранцузски.»

Ораторъ доказываетъ далѣе, что Пруссія, и по окончаніи войны, не отказалась отъ своего честолюбія и отъ своихъ завоеваній. Доказательство—присоединеніе Ганновера и Гессенъ-Касселя, приведеніе въ покорности Саксоніи, включеніе герцогствъ въ составъ Пруссіи, введеніе прусской военной системы въ новоприсоединенныхъ областяхъ. При видѣ возрастанія такой силы, императоръ первый уларилъ тревогу, объявивъ въ «Монитерѣ» о необходимости преобразовать армію. «Если Пруссія, говоритъ ораторъ, имѣла намѣреніе причинить Франціи значительный вредъ, то она вполне достигла своей цѣли. Какъ послѣ пятнадцатилѣтняго царствованія, послѣ того, какъ долгъ страны возросъ до 8 миллиардовъ, послѣ всѣхъ войнъ, рѣшено, что націю надо учить дисциплинѣ, и что вмѣсто мастерскихъ ей нужны казармы, какъ будто бы не знаютъ, что нація страстно жаждетъ мира, что она имѣетъ непреодолимое влеченіе посвятить себя вполне промышленности и земледѣлію, и чувствуетъ потребность въ повсемѣтномъ распространеніи знанія. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что я говорю, и объявляю, что правительство сдѣлало самое прискорбное признаніе: оно созналось, что страна не въ состояніи противиться давленію другихъ націй и что она должна прибѣгнуть къ поголовному возстанію всѣхъ своихъ сыновъ! Пусть приглашаютъ насъ отправиться въ Капитолій, чтобы воздать хвалу богамъ; мы пойдемъ туда въ сопровожденіи 1,200,000 солдатъ.»

Причину такого прискорбнаго положенія Франціи ораторъ находить въ самоустрашеніи Законодательнаго Собранія предъ державной волей одного. Если бы Законодательное Собраніе всегда исполняло свои обязанности, то, можетъ быть, не было бы и мексиканской экспедиціи.

Упомянутое о мексиканской экспедиціи заставляетъ президента Валевскаго пригласить Жюль-Фавра возвратиться къ вопросу. Оппонентъ беретъ доказательство, что мексиканская экспедиція имѣетъ отношеніе къ германскимъ дѣламъ. Ораторъ полагаетъ, что если бы спросили мнѣнія палаты о германскихъ дѣлахъ, то она высказалась бы противъ территориальныхъ пріобрѣтеній, ибо они суть только истинныя затрудненія. Въ эпоху, когда сила пара и электричества сглаживаетъ всякія разграниченія, дѣло не въ томъ, чтобы территорія страны была больше или меньше обширна, а въ томъ, чтобы граждане ея были свободны и пользовались прочными и хорошими учрежденіями. Что касается до германскаго единства, то ораторъ доказываетъ, что Германія предназначена не для единства, а для конфедераціи. Если въ 1813 году мысль о германскомъ единствѣ была порождена патристическимъ отчаяніемъ, то и теперь ошибки французскаго правительства пода-

ли поводъ нѣмецкой журналистикѣ поднять тревогу и возвысить съ завѣды, что французская имперія угрожаетъ германскому отечеству. Въ заключеніе ораторъ произнесъ слѣдующія слова: «Я думаю, что наше правительство сильно. Сильнымъ можетъ быть правительство только при прочности учреждений и при свободномъ выраженіи общественнаго мнѣнія. У насъ же мы видимъ противное. Намъ запрещено обсуждать конституцію, а между тѣмъ ее постоянно подвергаютъ передѣлкѣ. Чтобы выразить мою мысль до конца, я предлагаю правительству слѣдующій вопросъ: Если бы вамъ предложили захватить Бельгію или присоединить къ Франціи Люксембургъ, согласились ли бы вы на это? Теперь торжественная минута. Предъ нами открытъ двойной путь. Одинъ ведетъ къ свободѣ, другой къ войнѣ, мой выборъ сдѣланъ. Вамъ предстоитъ обязанность рѣшиться на то или другое.»

Рѣчь Жюль-Фавра, которую онъ окончилъ въ засѣданіи 18-го марта, сильно не понравилась «преданному большинству». Оно постоянно сопровождало рѣчь шумными перерывами. Императоръ также сильно былъ ею раздраженъ.

18-го марта Жюль-Фавру отвѣчалъ Гранде-де-Кассаньякъ, въ томъ же духѣ, какъ и Руэръ. Въ объясненіе усиленныхъ вооруженій Кассаньякъ высказалъ мысль, что это стремленіе есть общее Франціи съ остальной Европой, имѣть главнымъ образомъ въ виду защиту территоріи, но зависить также и отъ переустройства европейской системы. Исторія послѣдняго времени доказываетъ, что бесполезно являться на конгрессъ съ однимъ правомъ и безъ сопровожденія силы. Въ виду сокращенія общественныхъ расходовъ и развитія общественныхъ работъ, слова: «должно вооружаться,» могутъ показаться странными и безразсудными. Но такъ покажется только съ перваго раза. Миръ есть сокровище; необходимо употребить всѣ усилія для его сохраненія. Но ораторъ хочетъ, чтобы этимъ миромъ Франція была обязана своей силѣ, а не снисхожденію иностранцевъ. «Что же выбирать—миръ или войну, это рѣшить страна, императоръ и вы, а же требую мира прежде всего.»

Тьеръ отвѣчаетъ Кассаньяку. Тьеръ настаиваетъ на положеніяхъ, высказанныхъ имъ въ первой рѣчи. Мы уважемъ изъ второй рѣчи только то, что высказано Тьеромъ вновь. Во французской политикѣ, основанной на теоріи національностей, Тьеръ видитъ и придаюкъ революціоннаго элемента. Иностранная политика государства, по мнѣнію оратора, не должна измѣняться; она должна быть строго консервативна. Иное дѣло политика внутренняя: внутри государства все должно измѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ, потому что правительство принадлежитъ къ господствующему вліянію. Внѣшняя политика должна измѣняться исключительно только по отношенію къ прогрессу цивилизаціи: изъ варварскихъ націй становятся цивилизованными. Внѣшняя политика, должнаствующая имѣть въ виду только интересъ государства, имѣетъ въ своихъ рукахъ и средства дѣйствія, соответствующія степени цивилизаціи. Нація должна быть честнымъ человекомъ. Имѣя въ виду интересъ государства, Франція дѣйствовала въ 1848 году. Революція разразилась въ ней, и вся Европа со страхомъ ожидала, что будетъ. Но Франція не думала объявлять войны; напротивъ того, она издала манифестъ о мирѣ; но она содѣйствовала устраненію германскаго единства и не начинала войны за Италію, потому что эта война была противна интересамъ Франціи. Примѣромъ такой же мудрой политики разграниченія вопросовъ внутреннихъ и внѣшнихъ служить Америка. Она не обратилась въ послѣднее время ни къ Англіи, ни къ Франціи, съ которыми она имѣетъ много общаго, а обратилась къ Россіи. Почему? Потому что Россія не обнаруживаетъ нѣжности къ американскому югу, какъ Англія, и не мечтаетъ о мексиканской экспедиціи, какъ Франція. И Америка была совершенно права. «Навязывать другой странѣ правленіе, которое вы завели у себя, есть величайшее безразсудство и сопряжено всегда со вредомъ для государства.» Тьеръ подтверждаетъ эту истину историческими примѣрами и замѣчаетъ, что французы увлекаются теоріей національностей подъ вліяніемъ новизны. «Обращаться къ населеніямъ великое дѣло, и не мѣть отрицать,

что правительства обязаны выполнять желания населения. Но убедены ли вы, что при нынешней системѣ, націи дѣйствительно могут высказывать свои мнѣнія? Я пойму дѣйствительность этой системы только въ такомъ случаѣ, когда штыки будутъ устранены, и когда къ націямъ обратятся въ спокойномъ состояніи, въ минуту ихъ полнаго самообладанія. Я допустилъ бы принципъ національностей, еслибы націи дѣйствительно высказывали свои желанія. Но знаете ли вы, какъ вообще идетъ при этомъ дѣло? По прошествіи двухъ, трехъ дѣтъ населенія высказываютъ мнѣнія, совершенно противорѣчающія ихъ собственному постановленію. Примѣръ—Палермо. Затѣмъ ораторъ выражаетъ мнѣніе, что принципъ національностей, принципъ совѣщанія съ населеніями, есть не что иное какъ пропаганда, а пропаганда никому и никогда не удавалась. Далѣе Тьеръ опровергаетъ слова государственнаго министра, будтобы либеральная школа требовала только свободы Италіи, а отнюдь не ея единства. Создавая единство Италіи, правительство имѣло цѣлью умиротворить Европу, и вмѣсто того, произвело въ ней общее столкновеніе, оно имѣло въ виду приобрести союзника, и нажило врага. Остановить развитіе великой націи, приковать къ себѣ ея политику было невозможно; едва упрочилось единство Италіи, она мечтаетъ уже о новыхъ предпріятіяхъ въ Римѣ и даже на Востоку. Иначе, зачѣмъ бы флотъ ея отправлялся въ воды Греціи? Обращаясь къ Римскому вопросу, ораторъ утверждаетъ, что Франція создала папству безвыходное положеніе. Папство окружено партіями, требующими его гибели и не имѣетъ средствъ къ существованію: бюджетъ его простирается до 70 милл., а оно получаетъ 28 милл. дохода... Между тѣмъ ораторы утверждаютъ, что римскій вопросъ рѣшенъ! Что касается датскаго вопроса, то Тьеръ официальными документами доказываетъ, что Франція отказалась отъ трактата 1852 года еще тогда, когда Австрія и Пруссія не рѣшились его отменить. Рѣшеніе Франціи имѣло вліяніе на всю конференцію. Кромѣ того, въ датскомъ вопросѣ, который вовсе не былъ отдѣльнымъ эпизодомъ въ германскомъ столкновеніи, какъ утверждаетъ правительство, Франція оказала нравственное содѣйствіе Пруссіи, такъ же какъ Италія матеріальное. Что касается Германіи, то ораторъ положительно отвергаетъ мысль, будто бы идея единства уже утвердилась предъ войной въ Германіи. Партія единства была незначительна, да и въ той происходило разногласіе; одни видѣли единство въ Пруссіи, другіе въ національномъ парламентѣ, третьи наконецъ въ Австріи. Въ сущности между сторонниками единства ничто еще не было рѣшено до прошлаго года. По распусценіи франкфуртскаго парламента, идеи объединенія исчезли. Конечно, они могли снова появиться на свѣтъ, но не появились бы такъ скоро, если бы ихъ не разбудила Италія.—О послѣдней войнѣ ораторъ утверждаетъ, что Франціи стоило сказать одно слово, чтобы остановить ее. «Да, когда вы предложили конференцію, движеніе уже трудно было остановить. Но что вы дѣлали съ 1-го марта до 3-го мая, когда палата выразила вамъ мнѣнія свои въ смыслѣ мира? Если 3-го мая сотни тысячъ человекъ стояли подъ ружьемъ въ Пруссіи и Италіи, то же ли было 1-го марта? Въ изданной вами желтой книгѣ вы помѣстили только дипломатическіе документы съ 8-го мая. Зачѣмъ такая скрытность предъ страной, которой должно быть все извѣстно? Ни одной депеши за мартъ, ни одной —за апрѣль, въ ту минуту, когда рѣшался вопросъ о мирѣ или войнѣ! Недовѣріе къ странѣ! Вы положительно даете мнѣ право замѣнить ваши депеши тѣмъ, что утвердилось въ мнѣніи всей Европы!» Чего хотѣла Франція? Она рассчитывала на какую нибудь счастливую случайность въ ея пользу при борьбѣ Австріи и Пруссіи; но результатомъ оказалось усиленіе Пруссіи. Равновѣсіе міра измѣнилось. Никогда еще положеніе государствъ Европы не подвергалось такимъ опасностямъ. Какой же политикъ слѣдуетъ при настоящихъ обстоятельствахъ? Тьеръ совѣтуетъ Франціи вмѣсто разорительныхъ вооруженій утвердить политику консервативную, къ которой примыкутъ Англія и всѣ мелкія государства Европы, и которая должна

основаться на взаимномъ обязательствѣ не захватывать ничего чужаго, и не дозволить захватывать своего. Въ заключеніе Тьеръ, при громкомъ одобреніи на которыхъ свамыхъ, приглашаетъ палату предложить правительству отречься отъ его неудачной политики и руководствоваться впередъ либеральною политикой внутри государства и консервативною внѣ... Тьеру отвѣчалъ Руэръ. Рѣчь его была повтореніемъ прежняго. Но онъ съумѣлъ вызвать въ Законодательномъ Собраніи цѣлую бурю. «Единственное законное правительство, говорилъ Руэръ, есть то, отъ имени котораго я говорю. Оно утверждено было рѣшеніемъ націи въ ту минуту, когда другое правительство стояло во главѣ страны и распорядилось всѣми средствами дѣйствія, въ ту минуту, когда изгнанникъ являлся предъ націей одиновѣй, лишь съ обаяніемъ своего имени, своихъ несчастій и своей семейной славы. Свободно и по собственному побужденію нація провозгласила Людовика—Наполеона. Послѣ 2-го декабря она провозгласила его снова. Послѣднія слова Руэра вызвали бурный перерывъ въ палатѣ. Жюль-Фавръ воскликнулъ: не поминайте намъ о 2 мѣ декабрѣ! Тьеръ: «дайте намъ забыть его!» Шумъ и движеніе усилились. Президентъ желаетъ остановить Тьера, но Тьеръ среди шума снова восклицаетъ: «не говорите о 2 декабрѣ въ присутствіи тѣхъ, кого оно изгнало!» Послѣ этого поднялся общій шумъ, президентъ употребляетъ немнѣшныя усилія, чтобы унять его, грозитъ призвать виновныхъ къ порядку. Тьеръ, Жюль-Фавръ, Жюль-Симонъ говорятъ что-то, но ихъ нельзя разобрать. Наконецъ раздается голосъ Руэра. «Изъ словъ Г. Тьера, говоритъ онъ, до меня долетѣло только одно: изгнаніе, я отвѣчаю досточтимому Г. Тьеру, что я не желаю пробудить въ немъ никакого прискорбнаго воспоминанія; я имѣлъ въ виду заявить только одинъ фактъ, что Франція спасена была о анархіи. Вы можете убедиться, что она спасена была отъ анархіи—договорительствомъ служить эти неистовые вопли бѣснующихся.» Продолжительный шумъ прервалъ слова Руэра, «О, если вы воображаете, продолжалъ Руэръ, что подобная смута измѣнитъ мое убѣжденіе, или мое слово, то вы жестоко ошибаетесь. Итакъ, принципъ національностей и народнаго верховенства создаетъ правительство правильно и торжественно. Въ этомъ заключается ихъ законное основаніе. И тѣ, которые протестуютъ противъ народнаго верховенства, суть не что иное, какъ мятежники!» Значительнѣйшіе члены оппозиціи встаютъ, говорятъ, но за шумомъ словъ ихъ нельзя разобрать; президентъ снова грозитъ призвать ихъ къ порядку; а государственный министръ во второй разъ называетъ своихъ противниковъ мятежниками. Руэръ оканчиваетъ свою рѣчь увѣреніями, что правительство руководствуется только интересами страны какъ во внутренней такъ и во внѣшней политикѣ. «Пусть сыплются на насъ заносчивыя нападенія, заключаетъ онъ, дерзкіе упреки, мы идемъ къ великой цѣли—судей намъ будетъ потомство!» Продолжительныя рукоплесканія покрываютъ слова государственнаго министра. Затѣмъ палата большинствомъ 219 голосовъ противъ 45 опредѣляетъ перейти къ очереднымъ занятіямъ.

ПО СЛУЧАЮ ЗАМѢТКИ НА СТАТЬЮ: «НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВЗЯТІИ ГУНИБА И ПЛѢНЕНІИ ШАМИЛЯ», ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ 5-Й КНИЖКѢ «ВОЕННАГО СБОРНИКА» ЗА 1866 ГОДЪ.

Прочитавъ случайно анонимную статью, помѣщенную въ газетѣ «Кавказъ» (№ 81-й) и обративъ вниманіе на ея содержаніе, не могу не согласиться съ открытымъ заявленіемъ автора, что онъ отнюдь не имѣлъ въ виду выставить подвиги дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, который неоспоримо, не только подъ Гунибомъ, гдѣ не имѣлъ случая рельезно выказать своей боевой удали, но и во всѣхъ предшествовавшихъ дѣлахъ съ горцами въ Дагестанѣ прославилъ свое имя. Будучи 7 лѣтъ адъютантомъ этого браваго полка, находясь всегда съ нимъ впереди боя, и много могъ бы рассказать объ его подвигѣхъ, но описаніе это въ программу настоящей статьи не входитъ.

Вникнувъ въ содержаніе статьи г. Энгельсцова (*), не трудно понять, что она, подъ сурдинкой, направлена противу генералъ-лейтенанта Лазарева, съ цѣлью подорвать авторитетъ и набросить тѣнь на его участіе въ дѣлѣ плѣненія Шамиля. — Отстаивать идею, что главныя виновники какихъ либо подвиговъ или событій не могутъ быть безпристрастными ихъ указателями, не логично, потому что подобною стратегіею проповѣдуется читателямъ недоверіе не только ко всѣмъ реляціямъ, обыкновенно составляемымъ главными двигателями боѣ или менѣ важныхъ военныхъ событій, но даже къ описанію войнъ, веденныхъ Юліемъ Цезаремъ и лично имъ намъ разсказаннымъ.—Съ полнымъ довѣріемъ къ авторитетамъ, я полагаю, что на пристрастное составленіе описанія подвига, или событія, главный ихъ виновникъ, или лицо, принявшее на себя формулировать этотъ трудъ, не рѣшится уже потому, чтобы печатно не быть обличеннымъ оппонентомъ, который не сочтетъ нужнымъ прикрыть собственное и анонимное.

Руководясь справедливостью, нельзя не признать, что описаніе движенія дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и другихъ частей войскъ на Гунибѣ, движенія, имѣвшего послѣдствіемъ плѣненіе Шамиля, составлено г. Энгельсцовымъ, не игравшимъ въ этой катастрофѣ главной роли, совершенно правильно; жаль только, что онъ, видимо отставая съ собою авторитетъ правдиваго разсказчика, подъ вліяніемъ какихъ то страстей, хотя вскользь, но все таки отрицаетъ въ другихъ несомнѣнныхъ заслуги и способности!...

При всемъ стараніи удалить отъ моей статьи полемическій противу замѣтки г. Энгельсцова характеръ, не желая пройти молчаніемъ сдѣланнаго имъ г-ну Филипову замѣчанія (*), что ему не трудно было упомянуть объ участіи въ штурмѣ Гуниба шести сотенъ дагестанскаго коннаго полка, позволяю себѣ отвѣчать, что и г. Энгельсцову, принявшему на себя трудъ разсказать намъ движеніе войскъ на Гунибскую гору, въ числѣ именъ: полковника князя Чавчавадзе, поручика князя Микеладзе и сотника Квинитадзе, поставленныхъ имъ на первомъ планѣ, не трудно было упомянуть имена: капитана Скворцова, первымъ вошедшаго на Гунибѣ, сотника Пржедавскаго и поручика Родзянко, раненныхъ у самихъ стѣнъ селенія. Изъ этой изолровки лицъ, по врожденной храбрости подвергавшихъ себя ближайшей опасности, видно, что статья г. Энгельсцова, не чужда пробѣловъ, маленькаго пристрастія и примѣненія къ официальнымъ или болѣе выдающимся даннымъ!...

Въ свою очередь, подражая проницательному тону г. Энгельсцова, скажу слѣдующее: Вотъ тутъ то читатель и можетъ задать себѣ такой вопросъ: Что же это? Неужели кавказская армія имѣетъ корпусъ офицеровъ, составленный изъ туземцевъ, и въ дѣлѣ окончательнаго покоренія Дагестана офицеры русскаго происхожденія играли только роль пассивную?... Для разъясненія этой проблемы, соглашаясь съ тѣмъ, что не только «Военный Сборникъ», но и всѣ газеты расходятся почти по всей Россіи и читающихъ ихъ тоже немало, я приваля на себя право напомнить имена тѣхъ лицъ, подвиги которыхъ заслуживаютъ похвалы, но не забвенія!...

Обращаю къ тому мѣсту статьи г. Энгельсцова, въ которомъ онъ, съ начала думая, а въ заключеніе находя свое предположеніе вѣроятнымъ, говоритъ слѣдующее. «Что же касается до выхода Шамиля, то не думаю, чтобы онъ вышелъ, благодаря искусному веденію переговоровъ, или знанію его языка уговаривавшимъ его полковникомъ Лазаревымъ; скорѣе всего,

Шамиль вышелъ отъ того, что былъ хорошо знакомъ съ энергическою настоячивостью главнокомандующаго, видѣлъ себя окруженнымъ войсками, и не имѣлъ на просьбу и отчаяніе вѣрныя жерлицы и дѣтей, бывшихъ съ нимъ въ аулѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что если бы полковникъ Лазаревъ дѣйствительно своими искусными переговорами могъ подвѣствовать на Шамиля и склонить его на предложеніе главнокомандующаго, то почему онъ не сдѣлалъ этого при первыхъ порученныхъ ему переговорахъ съ Шамилемъ, до появленія нашихъ войскъ на Гунибѣ, когда предположенныя условія были для Шамиля гораздо выгоднѣе, искусство же Лазарева вести переговоры и знаніе языка были, вѣроятно, тѣ же самыя.»

Не опираясь на личныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя мною въ бытность помощникомъ генерала Лазарева по управленію вновь покореннымъ краемъ и впоследствии при составѣ при военно-плѣнномъ Шамилѣ, не ссылаясь на отзывы его приближеннѣйшихъ сподвижниковъ: Закаринъ, Гаджіова, Курша и прочіхъ мюридовъ, а также и на показаніе племянника, купившаго на Гунибѣ право разсказки цѣною своей крови, въ опроверженіе сомнѣній г-на Энгельсцова, противопоставлю подлинныя слова Шамиля, сказанныя мнѣ лично въ Калугѣ и относящіяся до генерала Лазарева.

«Ничто не имѣло столь сильнаго вліянія на рѣшимость мою сдаться и идти къ главнокомандующему, говорилъ мнѣ Шамиль, какъ убѣдительный и смѣлый совѣтъ Лазарева:—мнѣ и теперь кажется какъ будто я вижу передъ собою Лазарева, когда онъ, приложивъ два пальца правой руки къ своимъ глазамъ, сказалъ мнѣ: «Пусть мнѣ выколютъ эти глаза, если ты будешь обмануть и съ твоей головы падетъ хотя одинъ волосъ!»

Сказанное Шамилемъ достаточно выясняетъ то участіе г. Лазарева, которое онъ принималъ въ дѣлѣ гунибской катастрофы; я, какъ разсказчикъ лично слышаннаго, могу утверждать, чтобы отбѣтъ Шамиля, сдѣланный бывшему Военному Министру, Генералъ-Адъютанту Сухожанету, въ С. Петербургѣ, въ выраженіяхъ: «если вы видите меня здѣсь, то обязаны Лазареву», былъ его собственными словами; не могу утверждать потому, что этого свѣдѣнія мнѣ не случалось подвергать повѣркѣ Шамиля.

Отрицаніе достоинствъ умнѣнія говорить и вести переговоры съ мусульманами, а также знанія языка людей, съ которыми имѣешь дѣло, или которыми управляешь, можно назвать капитальнымъ соизмомъ!.. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ присутствія нашихъ войскъ на Гунибѣ, никто не посмѣлъ бы предстать предъ лице бывшаго главы мюридизма, въ законодательномъ кодексѣ котораго, умерщвленіе плѣнныхъ офицеровъ считалось правомъ войны и религіи! Пропитанный фанатизмомъ до плоти и крови, будучи убѣжденъ, что попалъ въ руки русскіхъ, не микуетъ казни, Шамиль рѣшился поступить въ число святыхъ угодинокъ (шахидовъ), то есть умереть съ оружіемъ въ рукахъ противу вѣрныхъ! Убѣдительно слово г. Лазарева, общее несочувствіе родныхъ и товарищей послѣдовать съ нимъ въ рай Магомеда поколебало рѣшеніе Шамиля, который, при всемъ своемъ вѣрованіи въ обѣщанія пророка, по слабости человѣческой природы, подчинился тому эгоистическому взгляду на дѣло, что «на людяхъ и смерть красна!»

Съ появленіемъ на гунибской горѣ нашихъ войскъ, занявшихъ возвышенности, командовавшія селеніемъ, защищаемымъ малымъ числомъ мюридовъ, паденіе Шамиля было неизбежно;—въ результатѣ штурма Шамиль, подъ вліяніемъ фанатизма и страха казни, погребъ бы себя подъ стѣнами мечети, а мюриды, кромѣ отъявленныхъ фанатиковъ, оставили бы его окончательно, причѣмъ, конечно, войска наши не обошлись бы безъ маленькой потери! Но князь Барятинскій, съ цѣлью компрометировать довѣріе дагестанскаго фанатическаго народа къ имамамъ, всегда имѣ пропагандировавшимъ, что для достиженія рай и степени снатога, глуровъ должно презирать и богопротивно имъ сдаться, пожелалъ, чтобы усерднѣйшій святоша, Шамиль, добровольно вышелъ къ нему живымъ, очевидно выказывая этимъ поступкомъ несостоятельность своихъ доктринъ. Въ видахъ достиженія предположенной цѣли, г. Лазаревъ

(*) Принявъ названіе: Энгельсцовъ, что въ переводѣ съ татарскаго означаетъ: «Безъ-лжецовъ», авторъ, не подвергая своихъ мотивовъ суду свѣдущихъ людей и читающей публики, самостоятельно уже заявляетъ себя правдивымъ разсказчикомъ.

(*) Г. Филиповъ въ статьѣ своей не какъ будто, но положительно оговариваетъ, что онъ въ подробности штурма не входитъ, между тѣмъ упомянулъ, что при каждой колоніи состояла милиція, подразумѣвая всадниковъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Что же касается драгунъ, стрѣльцоваго батальона и артиллеріи, то они были на противоположной Гунибу, которской возвышенности.

